

Сун Хайлинь заранее придумал оправдание по дороге и теперь излагал его гладко, как по писаному:

— Всю дорогу зерно сушится, я не смотрел под ноги и поскользнулся.

Бабушка Сун шлепнула его по плечу:

— В следующий раз смотри, куда идешь. Пошли домой, кушать.

Сила в её руках по-прежнему не уступала молодости.

Дедушка Сун во дворе карабкался по лестнице, сбивая финики шестом. Едва Сун Хайлинь обошел стену-ширму, как ему прямо в голову угодил финик, раздался звонкий щелчок.

— Дедушка, ты мне в голову попал! — крикнул Сун Хайлинь.

Дедушка Сун был немного туг на ухо и крикнул в ответ:

— Взорвалось? Что взорвалось?

— Голова! — Сун Хайлинь повысил голос. — Лоб, ты мне в лоб попал!

— Какая мээр? — крикнул дедушка.

— Старый хрыч, слезай уже оттуда! — рявкнула бабушка Сун.

Сун Хайлинь не ожидал этого и чуть не оглох от её крика.

— Эй, — отозвался дедушка Сун и поспешил медленно спуститься с лестницы, не заметив, как раздавил упавший на землю хрупкий финик.

Сун Хайлинь поднял голову и посмотрел на дерево. Половина фиников уже покраснела, сейчас можно было только по одному сбивать красные. Через несколько дней, вероятно, все созреют, и тогда можно будет расстелить на земле ткань, потрясти ствол, и все финики осыпятся.

Во дворе было два финиковых дерева: одно обычное, другое зимнее. Обычное финиковое дерево посадили в год свадьбы его родителей, а зимнее — в год его рождения. За эти десять с лишним лет они почти превратились в некий ритуал. Каждый год, когда наступала осень и финики созревали, его отец обязательно приезжал домой, чтобы помочь сбить их, а потом увозил с собой несколько больших мешков. Это было традицией, даже более незывлемой, чем Новый год.

Старики заботились о деревьях, как о сокровищах, даже больше, чем о сокровищах, в надежде, что, когда дерево будет усыпано финиками, они увидят сына и внука.

Бабушка Сун ничего не говорила, но судя по столу, полному еды, и её заметно поднявшемуся

настроению, она была невероятно рада возвращению внука.

Если отбросить проблемы с лигой, Сун Хайлинь не против был остаться здесь.

Дома он поговорил по стационарному телефону с одноклассником Сяо Панем, и они болтали до полуночи.

Он думал, что не сможет заснуть, но звук листьев, шуршащих на ветру во дворе, похожий на ритмичные удары бубна, убаюкал его. Едва голова коснулась подушки, как он крепко уснул, даже не успев загрузить в голове игровой интерфейс.

Всю ночь ему даже не снились сны.

На следующий день, перед тем как отправиться в школу, бабушка тайком сунула ему сто юаней.

Его отец перед отъездом четко наказал ей не давать ему карманных денег, но бабушка не обращала на это внимания. Положив деньги в его рюкзак, она громко сказала:

— Не голодай, ешь в столовой сколько хочешь. Ты бабушку не разоришь.

Честно говоря, чем больше она так поступала, тем больше Сун Хайлинь стеснялся тратить эти деньги.

Его отец, зная его характер — мягкий, но не поддающийся давлению, решил отправить его к дедушке и бабушке. И действительно, Сун Хайлинь с грустью подумал, что он никогда не позволял себе спорить с ними.

Он мог надерзить Сун Цину, мог одним ударом уложить Гу Яня, но не мог противостоять громкому голосу бабушки.

Гу Янь получил от него вчера удар, и у него сразу пошла кровь из носа. Остальные даже не посмели заступиться, просто испуганно разбежались. Что касается его собственной ссадины в уголке рта, об этом и говорить не стоило... Разогнав шайку трусов под предводительством Гу Яня, он, поднимаясь по лестнице, оступился и ударился о перила.

Удар, который он нанес Гу Яню, был рассчитан, не слишком сильный, просто выглядел эффектно, но на самом деле ничего серьезного.

Главное — потеря лица.

На следующий день Гу Янь и его шайка трусов, оккупировавшие задние парты, вошли в класс

ровно в назначенное время. Сун Хайлинь специально посмотрел: на носу Гу Яня не было даже красного следа, только лицо было мрачным, словно готовым вызвать Чжана Чжао для тщательного расследования.

Осмотрев весь класс, он заметил, что все, даже шайка трусов, уже на месте, но почему-то место Су Шэня было пустым.

Су Шэнь опоздал.

На первом уроке физики учитель Ни, размахивая мелом, с энтузиазмом объяснял материал. Су Шэнь, словно никого не замечая, скользнул в класс. Все в классе, включая учителя, будто ослепли и не обратили на это внимания. Учитель Ни даже не прервался, продолжая стучать мелом по доске и выкрикивать:

— Сила трения маленького тела может быть рассчитана по формуле, так ведь? Так ведь? Так ведь? Так ведь?

Сун Хайлинь почувствовал головокружение от его «зацикленного так ведь».

Говорят, что на каждой доске в школе есть несколько маленьких вмятин — это результат двадцатилетней работы учителя Ни.

Су Шэнь не успел просидеть на месте и пяти минут, как учитель Ни вызвал его:

— Су Шэнь, ответь.

Сун Хайлинь отвлекся и пропустил часть объяснения, поэтому только сейчас заметил, что Су Шэнь, даже не достав учебник, нахмурился.

Он сонным голосом ответил учителю:

— Не знаю.

Учитель Ни не стал придирается к Су Шэню и вызвал следующего:

— Ты! Сосед, ответь.

Какой сосед, ведь все сидят по одному.

— Ты, — учитель Ни указал на задние парты. — Новенький... как тебя.

— Сун Хайлинь, — нахмурившись, назвал свое имя Сун Хайлинь, неохотно взглянул на уже записанный в учебнике ответ и встал. — 5 Н.

Здесь программа шла медленнее, чем в его предыдущей школе.

— Так, Сун Хайлинь... — тихо повторил учитель Ни и продолжил вызывать других.

Едва Сун Хайлинь сел, как его руку ударил маленький предмет. В голове у него все еще был тот маленький объект, для которого он рассчитывал силу трения, поэтому первая его реакция была: «Черт, откуда этот маленький объект?»

Приглядевшись, он понял, что это была конфета в блестящей обертке, из которой можно было сложить журавлика.

Он поднял голову и увидел, что Су Шэнь кивнул ему, беззвучно сказав:

— Тебе.

Только тогда Сун Хайлинь вспомнил о конфете, которую вчера не смог получить.

Вчера он просил, но ему не дали, а сегодня вдруг совесть заговорила, и он сам предложил?

К тому же он смутно помнил, что вчерашняя конфета была в полностью закрытой упаковке, зеленой, а сегодняшняя — в скрученной, блестящей. Разные.

Он усмехнулся, развернул обертку и сунул конфету в рот.

В это время Су Шэнь, не доставая учебник, просто повернулся и смотрел на него.

Ему стало странно, почему Су Шэнь вдруг так заинтересовался им.

В следующую секунду все стало понятно.

Язык Сун Хайлиня словно ударило током: горько-кислый вкус с сильным химическим привкусом проник в носоглотку, небо онемело, словно его обожгли кипятком. Потребовалось время, чтобы чувствительность вернулась.

Он не смог сдержать гримасу.

Это была конфета-розыгрыш!

Сун Хайлинь смутно помнил, что в начальной школе такие конфеты были популярны, в зеленой упаковке, назывались «Сюдоу».

Су Шэнь, сидя слева, наблюдал, как лицо Сун Хайлиня сморщилось, словно высохший цветок, и весело рассмеялся.

Он смеялся, бросая Сун Хайлиню оригинальную обертку. Сун Хайлинь взглянул: зеленая упаковка.

Теперь он понял, почему вчера ему не дали конфету: просто не успели сменить обертку!

Фон обертки был ярко-зеленым, самым безвкусным, с пестрыми, явно некачественными узорами, а посередине были напечатаны два черных слова вычурным шрифтом — «Провокация».

И это еще подделка!

С такой уродливой оберткой, черт знает, почему он вчера так хотел эту конфету!

В этот момент он даже сам добавил в мыслях: «Если чего-то очень хочешь, это обязательно сбудется».

Да ну тебя к черту с твоим «обязательно сбудется»!

Су Шэнь все еще смеялся, тряся плечами, показывая зубы. Уголки его рта почти доходили до ушей.

Конфета во рту Сун Хайлиня уже потеряла кислый вкус, и настоящая сладость, появившаяся после, настолько поразила его, что он на мгновение растерялся.

Су Шэнь смеялся, показывая восемь зубов, передние блестели, ровно выстроенные, а самые дальние слегка обнажали маленькие острые кончики, едва заметные.

Смеялся он действительно искренне.

Ямочки на щеках почти исчезли.

Сун Хайлинь, причмокивая конфетой, подумал.

Позже он узнал, что Су Шэнь, казавшийся на первый взгляд спокойным и сдержанным, на самом деле был большим проказником.